

ХАРАКТЕРИСТИКА РАСТИТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И МОТИВОВ В ПОЭЗИИ А. ШИРЯЕВЦА (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

© 2016

М.Г. Соколова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры
«Русский язык и литература»

Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: А. Ширяевец; образы природы; поэтический мотив; мифологема; национальный символ; архетип; мировое дерево; фольклорная поэтика; пейзажная лирика; средства речевой выразительности.

Аннотация: В статье дается характеристика отдельных образов, мотивов природы и пейзажных комплексов в творчестве А. Ширяевца в общем культурологическом контексте русской литературы, фольклорной славянской традиции, а также в еще более древних культурных пластах, связанных с архетипами, мифологическим сознанием. В частности, рассмотрены такие растительные мотивы и образы, как дерево (лес) над могилой как символ вечной жизни, береза как сохраненная связь с родиной и с детством, яблоневый цвет – дым, любовь к России, родной природе, зеленая листва как элементы идеального летнего пейзажа и др. В статье рассматривается взаимодействие данных образов и мотивов с архетипом мирового дерева, с национальными символическими значениями дуба, яблони, сирени, березы, леса и др., с обрядами, ритуалами и поверьями.

В статье устанавливается связь растительных образов и мотивов с основными темами и проблематикой творчества А. Ширяевца: скоротечность земного существования, разлука с родной землей, воспоминания о детстве, любовные переживания и др. Выявлены ключевые смысловые оппозиции, в которые включаются данные поэтические образы: родина и чужбина, далекое и близкое, детство и зрелость, прошлое и настоящее и др. В результате проведенного анализа удастся выявить общие и специфические черты общенационального образа России, родной волжской земли, воссозданного в творчестве поэта.

В статье выявляются особенности индивидуального стиля поэта в раскрытии растительных образов и мотивов, устанавливается, что ведущую роль при этом играют выразительные средства фольклорной поэтики.

Образы природы занимают важнейшее место в русской поэзии, через которые наиболее ярко проявляется ее национально-культурная специфика. История народа есть история производительных сил и производственных отношений, его труда по освоению природы. В работах отечественных лингвистов прослеживается мысль о производности национальной языковой картины мира от внешних условий существования народа (климат, природа), культурно-бытовых традиций [1–4]. Национальная специфика есть итог исторического развития народа. Природа во многом определяет образный арсенал литературы, цветовую символику. Например, роль гор в искусстве народов Кавказа, роль образов движения (дорога, Русь-тройка, Медный всадник, Бронепоезд) для России [1, с. 79].

Однако русские поэтические тексты в этом отношении изучены еще недостаточно. Наибольший интерес в целях такого исследования среди многообразия природных образов представляют растительные как «свидетельства образного единства», как «хранители фольклорно-мифологического духа» национальной поэзии [5]. В данной статье развивается филологический подход к тексту как явлению культуры, предполагающий изучение художественного произведения в культурологическом контексте, исследование эволюции образов, символов, мотивов в литературных произведениях разных эпох [6]. В проведенном исследовании использованы принципы лингвокультурологического анализа языковой картины мира, разработанные научной школой В.Н. Телия [7; 8], принципы анализа мифопоэтики и фольклорной поэтики в художественном произведении в трудах С.З. Агранович, А.Н. Афанасьева, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Е.М. Мелетинского, В.Я. Проппа, В.Н. Топорова и др. [9–15].

В поэтическом творчестве А. Ширяевца растительные образы представлены достаточно широко и разнообразно, одно их перечисление составит солидный ряд: *лес (бор, дубовушка), яблоневый сад (цвет), дуб, сосна, черемуха, тополь, береза, верба, сирень, гвоздика, священное дерево, липа, пырей* и др.

Образы леса (бора) или дерева прежде всего появляются в стихотворениях поэта, посвященных теме скоротечности и бренности земного существования, теме жизни и смерти. Данные образы отчетливо объединяются в мотивы как в контексте творчества отдельного поэта, так и в контексте русской литературы. Под мотивом можно понимать устойчивый образ, повторяющийся у многих поэтов, приобретающий общенациональную распространенность, принадлежащий поэтическому сознанию всего народа [5]. Поэтическому мотиву на лексическом и даже синтаксическом уровне свойствен некоторый параллелизм языковых средств, определенная совокупность средств речевой выразительности. Приведем примеры растительного мотива, вплетенного в контекст произведений А. Ширяевца названной тематики: *«Пусть споют в лесу прибрежном // Соловьи аккордом нежным // Панихиду надо мной...»* («Омут» из книги «Ранние сумерки»); *«Тяжко кончить жизнь с могилой, жуток стать добычей тленья, // И не чувствовать, не видеть мира Божьего красу, // Как вешной синуют реки, как идет она с сиренью, // Не мечтать, не слышать пеня соловьиного в лесу...»* («Жизнь прекрасна! – Даже с горем и бессонными ночами»... из книги «О музыке и о любви: Лирика»); *«Примерещилась Смертынька мне: «Твой черед! // Собирайся-ка, милый, брось песни свои!» // – Обожди, когда яблонный цвет упадет, // А в нарядных кустах допоют соловьи»* («Смерть» из книги «Волжские песни»);

«Цветет, шелестит так уныло // Сирень у холма и кресты... // Безгласна немая могила, // Навеки разбита мечта...» («На кладбище» из книги «Ранние сумерки») [16].

Приведем примеры данного растительного мотива в русской поэзии [5]: «Гляжу ль на дуб уединенный, // Я мыслю: патриарх лесов // Переживет мой век забвенный, // Как пережил он век отцов» (А.С. Пушкин «Брожу ли я вдоль улиц шумных...»); «Стоит широко дуб над важными гробами, // Колебясь и шумя...» (А.С. Пушкин «Когда за городом, задумчив, я брожу...»); «Надо мной чтоб, вечно зелена, // Темный дуб склонялся и шумел» (М.Ю. Лермонтов «Выхожу один я на дорогу»); «Где в сладостной тени невянувших дубов, // У нескудеющих ручьев, // Я тень, священную мне, встречу» (Ф.И. Тютчев «Запустение»); «И здесь спокойно спят под сенью гробовою – // И скромный памятник в приюте сосн густых...» (В.А. Жуковский «Сельское кладбище»); «В тени густой угрюмых сосен // Воздвигся памятник простой» (А.С. Пушкин «Воспоминания в Царском селе»).

Во всех данных образах-мотивах обнаруживаются еще более общие архаические мифологические истоки: в них реализуется мифологема – образ мирового дерева (древа). Известно, что мифологическая картина мира – это «наиболее древние формы коллективно-родового (надличностного) осознания наблюдаемого человеком в его обиходно-бытовой жизни мира-хаоса и моделирования его в порядок, основанный на типизированных противопоставлениях – пространственных (типа «верх – низ», «левый – правый»), качественных (типа «светлый – темный», «чистый – грязный»), социальных (типа «свой – чужой») и под.» [17, с. 13].

Мировое дерево как часть мифологической картины мира является универсальным символом, организующим мифологическое пространство: оно объединяло по вертикали небо и землю, верх и низ, живое и мертвое, по горизонтали – правое и левое, мужское и женское. Главная функция мирового дерева – связывать небесный, земной и подземный миры, главная оппозиция, которую воплощал этот образ, – живое и мертвое [9; 18].

Представленные фрагменты стихотворений поэта демонстрируют все устойчивые традиционные элементы, связанные с этим архетипическим образом: на вершине дерева обитают птицы («соловьи»), мир у ствола – мир живых, средний мир, воплощающий представление о переходе из мира живых в мир мертвых. Средний мир у автора полон динамики, красоты и процветания: «нарядные кусты», «весной синеют реки», «яблонный цвет», «пенье соловьиное», «сирень» и т. д. Это подчеркивает трагический контраст благоуханной природы и неизбежной смерти. Представление о переходе из мира живых в мир мертвых может быть статичным, безысходным («немая могила», невозможность мечтать, слышать пение соловья, видеть «мира Божьего красу», «разбита мечта» и т. п.) или более гармоничным («пусть споют ... соловьи аккордом нежным панихиду надо мной»).

Обратим внимание на общую семантику встретившихся образов деревьев. В русской поэзии над могилой стоит чаще всего дуб как символ «жизненной мощи, одолевшей смерть» [5], как символ вечной жизни, как наглядное воплощение мирового дерева; сосна или ель как символ вечного покоя смерти. В приведенных

строчках из произведений А. Ширияевца образу смерти противопоставлены образы других деревьев и растений: сирени, яблони, в целом леса. Сирень и яблоня как образы содержат внутреннюю антитезу. С одной стороны, они являются символами весеннего цветения, с другой – характеризуют мимолетность, призрачность праздника весны и юности, передают чувство грусти: «Я люблю сирень синеокою, // Аромат ее, грустью веющий, – // Вспомнил юность я, так далекою, // Моей жизни день вечеряющий...» («Сирень» из книги «Ранние сумерки») [16].

Этот же архаический образ возникает в стихотворении «Остров», в котором остров символизирует творение нового чистого, безгрешного мира, где лишь горы, скалы, лес и таинственный храм: «Мне снится неведомый остров, // С высокой горой до небес... // Нет жизни там шумной и пестрой // – Лишь горы и скалы, да лес... <...> Приду, и на горной вершине // Поставлю таинственный храм. // И буду небесной пустыне молиться и синим волнам...» («Остров» из книги «Ранние сумерки») [16].

Однако здесь появляются другие, более поздние, характерные для классового общества, этические значения образа мирового дерева, оппозиция добра и зла [9]. Носителем зла при этом становится человек: «Я в мир никогда не вернусь... // И если, исчадие мглы – // Придет человек – то клянусь: // Я сброшу его со скалы...» («Остров» из книги «Ранние сумерки») [16].

Личностными ностальгическими смыслами поэта наполняется образ дерева в ряде стихотворений, где он включается в оппозиции родина и чужбина, далекое и близкое, детство и зрелость, прошлое и настоящее и выступает символом памяти о прошлом, символом самой вечности. Здесь природные образы словно пропущены сквозь память лирического героя. Приведем примеры: «Переливные перезвоны // рождают думы о былом, // Когда шумел мне лес зеленый // В краю покинутом родном...» («Переливные перезвоны» из книги «Ранние сумерки»); «И теперь так жаль мне // Ясных дней былых, // Шум приветный бора, // Даль полей родных, // Где, простой, как дети, // Люд живет в тиши, // Сохранивши веру, // Чистоту души...» («Песня»); «Прошло // Немало лет, но часто-часто снится // Лесное необычное село, // И древние заплещут вдруг зарницы... // Священный дуб махнет, как невзначай, // Березка с лаской закивает снова... // – Эх, Бинарадка старая, прощай! // Смотри, не угайши костров былого!...» («Старая Бинарадка» из сборника «Поминальник») [16].

Традиционным национальным символом сохраненной связи с родиной и детством становится береза. У А. Ширияевца прослеживается этот распространенный в русской поэзии мотив: береза как знак родины на чужбине [5]: «Убежать бы к белоствольным, // Тихо шепчущим березам» («Убежать бы к белоствольным...» из книги «Ранние сумерки») [16]. Поэтизация березы поэтом достигается через эпитеты («березок радостных», «белоствольных»), олицетворение («с лаской закивает снова», «тихо шепчущим»), в результате создается радостный, ласковый поэтический образ березы.

В поэтическом наследии А. Ширияевца большое место занимает сезонная пейзажная лирика: «Осеннее – зимнее», «Лес», «Осеннее», «Зимнее», «Черемуха»,

«Весна», «Выйду спозаранку я...», «Яблонятся яблоньки...», «Из летнего альбома» и др. В этих произведениях растительные образы предстают в различных вариантах. Это прежде всего антропоморфная персонификация [19–21], свойственная фольклорной традиции, реализуемая с помощью эпитетов, метафор и сравнений: «Стынет лес под саваном холодным, // заколдован чарами зимы; // Отогнать их хочет, но бесплодно – // Все мешают снежные холмы» («Лес» из книги «Ранние сумерки»); «За завесой туманной // Лес уснул, шелестя... // В золотые узоры // Листья выткала Осень, // Поплелась Несмеяной, Запевала, грустя...» («Несмеяна» из книги «Раздолье») [16]. В стихотворении «Лес» персонифицированы и другие образы: снежные холмы «обступили, стерегут и просят», злая вьюга «рядит в саван», «заносит», «шелестела дубровушка, словно ласково сетуя...» («Осеннее» из книги «Волжские песни»).

При этом растительные образы вписываются в традицию отечественной поэзии, в соответствии с которой осень – умирание, «природы увяданье», а зима – время после смерти, сон природы. Глагольные метафоры, эпитеты, передающие образы лиственных деревьев, подчеркивают увядание, а образы хвойных деревьев – унылость, бледность, угрюмость пейзажа: «Догорают, червонятся листья опавшие, // Тянет в степи сожженные петь на ветру... // Нынче снилась Аленушка, горько рыдавшая, // Во сыром, обнищавшем, осеннем бору» («Осеннее» из книги «Волжские песни») [16]. Отличительная главная черта зимнего леса у А. Ширяевца – это смерть, а не красота и чистота, что подчеркивают метафора «белизна снежного покрова – саван» и эпитет «злая вьюга».

Дерево может олицетворять мужское или женское начало: «– Дубы рыжебородые – Иваны! // Аксиньи-липыньки, льяной лазурь-огонь! // Приплыть ли к вашему мне песенному стану, // Услышать ли саратовску гармонию?!» («Землякам» из сборника «Поминальнички»); «То не дубы раскачались // От ветров шальных весны – // В плясы молодцы помчались, // Красных взглядами пьяны...» («Хоровод»); «Зеленеют березки невинные, // Шелестят изумрудной листвою <...>» («Зеленеют березки невинные» из книги «Ранние сумерки») [16].

Такое очеловечивание растительных образов появилось не случайно. Дуб выступает в стихотворениях в своей традиционной для фольклора и русской поэзии семантике как символ мощи, мужества, силы, твердости. Липа воспета в русской поэзии как «жаркое и блистающее дерево», цветущее в разгар лета, из душистых цветов которого добывают мед, ассоциирующийся с солнцем [5, с. 73]. Именно это значение данного образа подчеркивается автором далее появлением эпитета «льяной лазурь-огонь». Женственность образа березы основана на фольклорно-обрядовой традиции, в соответствии с которой береза служила «майским деревом», ее уподобляли девушке, наряжали в девичье платье, заплетали косы, надевали венки, ходили с ней по деревне, распевая песни. Кроме того, сам облик березы, ее хрупкий белый ствол, крона позволяют метафорически уподобить ее молодой женщине.

В произведениях А. Ширяевца используются и другие устойчивые приемы фольклорной поэтики. Напри-

мер, образный параллелизм: грустит сирень – грустит душа поэта, весеннее цветение – любовные переживания: «И грустит душа одинокая, // И грустит сирень грустью странною» («Сирень» из книги «Ранние сумерки»); «Опьянил – вскружил черемух // Белый цвет... // – Ах, весной сидеть в хоромех // Силы нет! <...> Ждут-пождут красу в хоромех. // Нет-как-нет! // ...Осыпается с черемух белый цвет...» («Черемуха» из книги «Запевка») [16].

Образ черемухи, символизирующий радость свидания, также является традиционным для фольклорной поэзии. У поэта встречается олицетворение через уподобление человеческого природному: «Люблю в глаза зеленые смотреть – // Лесное в них, певуче-водяное... // – В леса! К реке! И петь, и петь, и петь! // Сгореть смолистою сосною» («Столовки» из книги «Поминальнички») [16].

Дерево (лес) становится обязательным элементом идеального пейзажа, который по традиции соотносится с летом или весной. Основу идеального пейзажа образует комплекс элементов архетипического образа мирового дерева. Помимо кроны, ветвей деревьев, в него входят птицы, источник, животные или человек у корней. В художественной литературе эти обязательные элементы дополняются мягким ветерком, благоухающими цветами, устилающими землю, сладкими плодами, зеленой травой, солнечным светом и т. п. Все эти элементы объединялись в целостную картину природы, идеального «среднего», земного мира, прекрасного образа вечности.

Однако у А. Ширяевца изображается не условный, отвлеченный идеальный мир, а национально реалистичный, соотнесенный с конкретным временем и местностью: «Зеленеют березки невинные, // Шелестят изумрудной листвою; // Шумно скачет семья воробьиная // По грядам и над рожью густой... // В небе тучи плывут серебристые, // Дышит зноем простор голубой... // Я пойду под березки тенистые – // Будет рожь мне кивать золотистая, Убаюкает ветер степной...» («Зеленеют березки невинные» из книги «Ранние сумерки») [16].

Природа здесь не только доставляет эстетическое удовольствие человеку, но и персонифицируется, становится способной проявлять ласку и заботу по отношению к человеку (рожь кивает, ветер убаюкивает, березки тихо шепчут и др.). Наличие антропоморфной персонификации природы в языковой картине мира русского народа связано «особым отношением русских к Природе как к живому существу, действительному, созидательному началу, матери всего сущего на земле, и проистекающего из архаического представления славян и русичей о целостности космоса, социума и человека» [20, с. 92].

В поэзии А. Ширяевца воссоздается не только общенациональный образ русской природы (как в приведенных выше строках), но и пейзаж, имеющий географические приметы волжской природы: «Точно в сказке... Скалы, горы, // на вершинах – темный лес. // Призадумался и смотрит // В бездну синюю небес... // Плещут волны, бродят волны // У откосов берегов, // Рассыпаются на солнце // Миллионы жемчугов...» («На Волге» из книги «Ранние сумерки») [16].

Летний или весенний пейзаж сливается с душой поэта, которая отдается мечте и грезам: «Убежать бы

к белоствольным, // Тихо шепчушим березам, // быть на миг, как птица, вольным, // Дать простор мечте и грезам...» («Зеленеют березки невинные» из книги «Ранние сумерки»); «Когда под шепот волн певучих // Реки великой, в тишине, // Я забывался в грезам жгучих, // И сердце раскрывал волне» («Под звон колоколов» из книги «Ранние сумерки») [16].

Как уже отмечалось, идеальный пейзаж в творчестве А. Ширяевца сочетается с элегическим настроением, когда образы природы связаны с памятью о родине, детстве и воспоминаниями о смерти: «Зеленый луг, лиловые цветы, // Березок радостных соседство. // Я перекидываю светлые мосты // к минувшему, – к лазоревому детству» («Зеленый луг, лиловые цветы...» из книги «Раздолье»); «Забывать ли мне простор привольный! // И до сих пор в душе поет // Звон благовестный – колокольный // Под гулко-шумный ледоход... // И вот теперь в чужбине дальней, // Я слышу звон переливной, // И мнится мне – то погребальный // И звон последний надо мной...» («Под звон колоколов» из книги «Ранние сумерки»); «В душе перезвон лучистый // Веселый льется и льется: // Вербой золотистой // Глянуло детство, весенней травой смеется!» («Перезвон лучистый» из книги «Волжские песни») [16].

В пейзажной лирике А. Ширяевца встречается развернутая метафора, образующая устойчивый мотив «весенний цвет – дым»: «Яблонятся яблоньки // Цветом огневым, – // Вешней славы аленький, // Нежный, сладкий дым!» (Яблонятся яблоньки); «Ничего не надо мне // На земном пути, // Только в вешнем ладане // Без конца идти!» («Выйду спозаранку я» из книги «Волжские песни») [16]. Исследователи отмечают, что мотив «весенняя растительность – дым» вошел в образный строй русской поэзии с 1851 года и появился в творчестве Ф. Тютчева, а завершил свое существование у С. Есенина [5]: «Не жалею, не зову, не плачу. // Все пройдет, как с белых яблонь дым...». Именно С. Есенин метафорически уподобляет дыму весенний цвет (а не листву), быстро облетающий, такой же мимолетный, как и дым. Введенная в размышления об итогах собственной жизни данная метафора приобретает элегическую тональность. У А. Ширяевца данный образ получил интересное развитие – «вешний ладан», где он реализуется через эпитет и получает эстетическое смысловое наполнение: подчеркивается не столько зрительное сходство с дымом, сколько наполненность ароматом, благоуханием. «Церковная» метафора выражает отношение лирического героя к природе как к святыне. А сквозное, воздушное, прозрачное состояние весенних растений передает оригинальная метафора: «Выйду спозаранку я, // Переселив сон. // С песнею – веснянкою // К солнцу на поклон! // Где фатой узорчатой // Яблони манят...» («Выйду спозаранку я...» из книги «Волжские песни») [16].

В начале XX века в художественном творчестве наблюдается возрождение интереса к наследию дохристианской языческой Руси. А. Ширяевец не ставил задачу исторической реконструкции прошлого. Фольклорно-мифологический слой культуры русского народа нашел у него отражение лишь в приеме мифологизации природы. Он заключается в обильном перечислении имен персонажей и существ славянской мифологии,

былинных богатырей, в изображении широко известных обрядов, ритуалов, обращенных к природным явлениям.

Прием мифологизации природы связан с темами города и деревни, разлуки с отчим домом и чувством ностальгии: «– Вокзалов нет!.. Железных хриплых ревов! // Нет паровозов черных! – я не ваш!.. // – Есть вешний шум в сияющих дубровах, запев Садко, звон богатырских чап!...» («Не надо мной летят стальные птицы»); «Сам не свой я! Мережится, снится, // Как аугает Леший в бору, // И огнится, взлетая, Жар-птица, // И разбойничий клад на яру... // Жутко мне... Захирею я скоро... // Не заглянет сюда Лесовик... // – Убежать бы к родному простору, // На зазывный русалочий крик!» («Волжанке») [16]. Старина воспринимается как убежище от современной действительности.

Появляется этот прием и в произведениях, посвященных историческим событиям, христианским и обрядово-календарным праздникам. Приведем примеры, в которых отразился фольклорный слой культуры русского народа, связанный с народными верованиями и обрядами, ритуалами и поверьями: «Завопил Водяной по днепровским порогам, // Леший валит дубы, не найдет себе мест: // – Стольно-Киевский князь верит в нового Бога! Над исконным, родным поднят греческий крест!» («Крещение Руси»); «Вскочил, напуган отблеском огня, // Приник к оконцу, вижу: пляшет пламя // Вдали за речкой... Песни, суетня – // Мордва взлетала буйно над кострами // У дерева священного...» («Старая Бинарадка» из сборника «Поминальник»); «– Заплетайте по венку, // Кинем в реченьку-реку! // Угадай нам Троица, // Что судьбой готовится!» («Троица» из книги «Волжские песни») [16].

Ярко звучит в поэзии А. Ширяевца мотив «своя страна – лучше всех на свете» [5]. При этом в образе Руси соединяются имена персонажей русских былин, Богородицы, Волги (с олицетворяющим эпитетом). Этот перечислительный ряд воплощает героические и духовные силы всего русского народа: «Али нет у нас // Свет-Забавушки – // Той Путятишины, Ильи Муромца, // Богородицы, // Волги-матушки, // Златоцветовой // Своей славушки?...» («Что там носитесь...») [16].

Таким образом, в творчестве А. Ширяевца в образах и мотивах природы воссоздается не только общенациональный образ России, но и родной волжской земли, малой родины. Внутренний мир лирического героя самым тесным образом связан с природой. Растительные образы и мотивы появляются у поэта в связи с темами скоротечности земного существования, разлуки с родной землей, в связи с воспоминаниями о детстве, любовными переживаниями. С растительными образами природы соотносятся прежде всего лес, береза, яблоня, весенний цвет, зеленая листва как элементы идеального летнего пейзажа, часто проникнутого элегическим настроением и др. Распространенные растительные мотивы в произведениях поэта – дерево (лес) над могилой как символ вечной жизни, противостоящий смерти, дерево как символ памяти о прошлом, в частности береза как сохраненная связь с родиной и с детством, яблоневый цвет – дым, любовь к России, родной природе, Волге и др. Данные растительные образы и мотивы получили раскрытие с помощью определенной совокупности средств речевой выразительности, большую роль

среди которых играют средства фольклорной поэтики. Проведенный анализ мифологических истоков позволяют подтвердить наблюдения исследователей о том, что многочисленные растительные образы в художественном творчестве представляют собой целостность, общность, восходящую к образному архетипу мирового дерева. При этом сам автор вряд ли осознанно создавал вариации этого мифологического образа, понимал истоки своих символических образов. Однако выяснение этих глубинных значений не противоречит содержанию поэтических произведений, а способствует его более глубокому пониманию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гачев Г.Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. 1976. № 1. С. 77–85.
2. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд. М.: ЧЕРО, 2003. 327 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. 3-е изд. М.: Академия, 2007. 208 с.
4. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 216 с.
5. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. школа, 1990. 303 с.
6. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. 4-е изд. М.: Флинта, 2009. 520 с.
7. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–204.
8. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
9. Агранович С.З., Конюшихина М.В., Петрушкин А.И., Рассовская Л.П., Стефанский Е.Е. У корней Мирового Древа. Миф как культурный код. Самара: Бахрах-М, 2015. 448 с.
10. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. Т. 1. М.: Индрик, 1994. 800 с.
11. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
12. Лихачев Д.С. Великое наследие: классические произведения литературы Древней Руси. М.: Современник, 1975. 367 с.
13. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 133 с.
14. Пропп В.Я. Фольклор. Литература. История. М.: Лабиринт, 2002. 464 с.
15. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс, 1995. 624 с.
16. Ширяевец А. Песни волжского соловья. Тольятти: Фонд «Духовное наследие», 2007. 276 с.
17. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. 2-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
18. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Большая Рос. энциклопедия, 1982. 736 с.
19. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А.П. Сковородникова. М.: Флинта, 2005. 480 с.
20. Селеменова О.А. Антропоморфные состояния природы в русской языковой картине мира // ФИЛОЛОГОС. 2012. № 1. С. 87–93.
21. Селеменова О.А. Высказывания с семантикой «состояние природы»: лингвокультурологический аспект анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-1. С. 161–164.

REFERENCES

1. Gachev G.D. About national worldviews. *Narody Azii i Afriki*, 1976, no. 1, pp. 77–85.
2. Kornilov O.A. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnyye natsionalnykh mentalitetov* [Linguistic world-images as the derivatives of national mentalities]. 2nd ed. Moscow, ChERo Publ., 2003. 327 p.
3. Maslova V.A. *Lingvokulturologiya* [Cultural linguistics]. 3rd ed. Moscow, Akademiya Publ., 2007. 208 p.
4. Serebrennikov B.A., ed. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira* [The role of human factor in language. Language and world-image]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 216 p.
5. Epshteyn M.N. "Priroda, mir, taynik vselennoy...". *Sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii* ["Nature, world, universe secrecy...". The system of landscape images in Russian poetry]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990. 303 p.
6. Bolotnova N.S. *Filologichesky analiz teksta* [Philological text analysis]. 4th ed. Moscow, Flinta Publ., 2009. 520 p.
7. Teliya V.N. Metaphorization and its role in creation of linguistic world-image. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira*. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 173–204.
8. Teliya V.N. *Russkaya frazeologiya. Semantichesky, pragmatichesky i lingvokulturologichesky aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic and cultural aspects]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kultury" Publ., 1996. 288 p.
9. Agranovich S.Z., Konyushikhina M.V., Petrushkin A.I., Rassovskaya L.P., Stefansky E.E. *U korney Mirovogo Dрева. Mif kak kulturniy kod* [At the roots of World Tree. Myth as a cultural code]. Samara, Bakhrah-M Publ., 2015. 448 p.
10. Afanasyev A.N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirody* [Poetic views of the Slavs on the nature]. Moscow, Indrik Publ., 1994. Vol. 1, 800 p.
11. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of Verbal Art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 423 p.
12. Likhachev D.S. *Velikoe nasledie: klassicheskie proizvedeniya literatury Drevney Rusi* [Great Heritage: Classic Works of Old Russian Literature]. Moscow, Sovremennik Publ., 1975. 367 p.
13. Meletinsky E.M. *O literaturnykh arkhetipakh* [About literary archetypes]. Moscow, RGGU Publ., 1994. 133 p.
14. Propp V.Ya. *Folklor. Literatura. Istoriya* [Folklore. Literature. History]. Moscow, Labirint Publ., 2002. 464 p.
15. Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol.

- Image: research in the area of mythopoetic]. Moscow, Progress Publ., 1995. 624 p.
16. Shiryayevets A. *Pesni volzhskogo solov'ya* [Songs of Volga Philomela]. Togliatti, Fond "Dukhovnoe nasledie" Publ., 2007. 276 p.
17. Teliya V.N., ed. *Bolshoy frazeologichesky slovar russkogo yazyka: znachenie, upotreblenie, kulturologicheskiy kommentariy* [Great phraseological dictionary of the Russian language: meaning, usage, culturological commentary]. 2nd ed. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2006. 784 p.
18. Meletinsky E.M., ed. *Mifologichesky slovar* [Mythology dictionary]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya Publ., 1982. 736 p.
19. Skovorodnikov A.P., ed. *Vyrazitelnye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Expressive means of the Russian language and slips of the tongue]. Moscow, Flinta Publ., 2005. 480 p.
20. Selemeneva O.A. The anthropomorphous states of the nature in the Russian linguistic picture of the world. *FILOLOGOS*, 2012, no. 1, pp. 87–93.
21. Selemeneva O.A. Statements with the semantics "State of nature": linguoculturological aspect of the analysis. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 7-1, pp. 161–164.

**CHARACTERISTICS OF NATURE IMAGES AND MOTIVES
IN THE POETRY OF A. SHIRYAEVETS (LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT)**

© 2016

M.G. Sokolova, PhD (Pedagogy), Associate Professor, assistant professor of Chair "Russian Language and Literature"
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: A. Shiryayevets; nature images; poetic motive; mythologem; national symbol; archetype; world tree; folk poetic manner; landscape lyrics; vocalizations.

Abstract: The paper gives characteristics of specific images, nature motives and landscape complexes in the works of A. Shiryayevets within the general cultural aspect of Russian literature, folklore Slavic tradition, as well as more ancient cultural layers related to archetypes and mythological consciousness. In particular, the author considered such floral motifs and images as the tree (forest) above the grave symbolizing eternity, the birch as a symbol of retained connection with homeland and childhood, the apple blossom symbolizing smoke, love to Russia, to native nature, and green leaves as the elements of ideal summer landscape. The paper considers the interaction of these images and motives with the world tree archetype, with the national symbolism of the oak, apple-tree, lilac, birch, and forest, with the ceremonies, rituals, and legends.

The paper connects floral images and motives with basic themes and topics of works of A. Shiryayevets: this life impermanence, the separation from the homeland, memories about childhood, love experience. The author identified key sense oppositions including the following poetic images: homeland and outland, faraway and close, childhood and manhood, past and present. As the result of this analysis, common and specific features of the nationwide image of Russia, native Volga land created in the works of the poet are identified.

The paper reveals the poet's individual style features in the description of floral images and motives and identifies that the vocalizations of folk poetic manner play the leading role.